

УДК 130.3:[78.01+82-192] (Метафизика духовной жизни. Теория и философия музыки. Поэзия, положенная на музыку)

Н.П. ОГАРЕВ – М.Ю. ЛЕРМОНТОВ: МУЗЫКАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ

©2019 Н.И. Воронина, Н.Л. Новикова, И.Л. Сиротина

Воронина Наталья Ивановна, доктор философских наук, профессор, директор Центра М.М. Бахтина.

E-mail: kafkngu@mail.ru

Новикова Надежда Львовна, доктор философских наук, профессор кафедры философии историко-социологического института. E-mail: nadlnov@mail.ru

Сиротина Ирина Львовна, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой дизайна и рекламы института национальной культуры. E-mail: sirotinail@mail.ru

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева. Саранск,
Республика Мордовия, Россия

Статья поступила в редакцию 12.09.2019

Предмет статьи: Н.П. Огарев – М.Ю. Лермонтов: музыкально-поэтический диалог. *Объект статьи:* интеллектуальная жизнь России XIX века сквозь призму музыкальных увлечений передовых людей того времени. *Цель проекта:* актуализировать для научного и учебного мира информацию о композиторских опытах Н.П. Огарева (известного мыслителя, поэта и публициста), раскрыв широту и глубину его интересов, показать: как через сферу музыки высвечивалась жизнь души; как погружение в искусство, наслаждение музыкой, свобода художественно-эстетических высказываний, а также занятия композиторским творчеством способствовали особому типу мышления и философствования. *Методология работы:* включение композиторских опытов Огарева (семь романсов на стихи Лермонтова) в общую картину становления музыкального сознания в середине XIX столетия в России позволило увидеть в этом феномене музыку как богатство, благотворность, как вольную струю, как одну из важных ипостасей в духовной жизни человека. Данный контекст изучения музыкальных интересов Огарева возможен с помощью сравнительно-исторического и культурологического подходов, а также искусствоведческих методов анализа. *Результаты работы:* рассмотрение музыкальных сочинений Огарева на стихи Лермонтова дает возможность построения концепции контекста уникального явления в культуре России – дилетантизма в музыке. *Область применения результатов:* композиторские опыты Огарева как дилетанта в музыке становятся основой формирования новой научной парадигмы, стимулируют исследовательский интерес, открывают возможность сравнительно-сопоставительной методологии в изучении жизни и творчества личности. Осмысление обращения Огарева к поэзии Лермонтова для написания романсов позволяет уточнить/детализировать общие закономерности развития отечественной музыкальной мысли для искусствоведов и культурологов. *Вывод:* научная новизна исследования состоит в комплексном анализе материалов композиторского творчества Огарева в контексте российской культуры, что способствует усовершенствованию базы данных, отражающих жизнь и творчество Огарева, включению этих материалов в научный оборот как уникальных, меняющих восприятие состояния истории и человека середины XIX в., дает возможность влить его творчество в российскую музыкальную культуру, включив Огарева в ряды музыкальных деятелей. Таким образом, выводы, представленные в статье, аргументированы и логичны. *Ключевые слова:* Н.П. Огарев, М.Ю. Лермонтов, личность, музыка, диалог, время, композитор-дилетант, композиторское творчество, романс.

Введение. История русской культуры знает немало имен выдающихся литературных деятелей, которые на протяжении всей жизни увлекались музыкой. А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов, А.С. Грибоедов и Д.В. Веневитинов, Ф.И. Тютчев и А.А. Фет, Л.Н. Толстой и А.М. Горький – не только горячо любили и тонко понимали музыку, но и демонстрировали с помощью музыки

представление «о существовании совершенно особой среды, в которой вырабатывалось и особое отношение к жизни» [1, с. 57]. Это сыграло определенную роль в воспитании музыкальных вкусов русской интеллигенции.

Тем не менее, степень их увлеченности музыкой неодинакова. Для одних писателей – это приятное развлечение, для других – художественное

обогащение стиля, для иных – творческое сопереживание, а для некоторых – и равнозначной преданности занятие. К числу последних принадлежит Николай Платонович Огарев (1813 – 1877). Музыка – лишь одна из ипостасей его жизни, конечно, не главная. Но именно через музыку во многом высвечивается сущность личности Огарева и поэта, и философа, и политика, и публициста, и издателя с широким спектром разнообразных характеристик, то есть неисчерпаемость его личности [9; 12, с. 9 – 15]. Огарев предстает как музыкальный деятель во всей широте интересов: слушатель и исполнитель, композитор и философ музыки, собиратель народных песен... Он сам нередко впадал в раздумье, чего в нем больше, поэта или музыканта. Напомним его сокровенные признания из писем:

«...Герцен! твоё присутствие становится для меня необходимым. Твоя душа мне необходима. Кому скажу я все, что волнуется в душе. Я хочу быть живописцем. Это очень приятное препровождение времени. Я хочу быть музыкантом. Это очень приятно в обществе...» [2, с. 718].

«Быть поэтом, стихотворцем ли, или музыкантом, alles eins (все равно – нем.), но я чувствую необходимость жить в этой мысли...» [3, с. 714].

«...Я сын поэзии, предаюсь искусствам, и люди столпились смотреть на мои произведения... Науки, стихотворство, музыка, театр, все, что только возвышает человека до жизни творческой, все должно жить вокруг нас...» [4, с. 716].

Однако имя Огарева больше известно в связи с его поэтической и политической деятельностью. Действительно, перед нами оригинальный поэт и мыслитель. И первая русская бесцензурная газета «Колокол», издававшаяся по инициативе Огарева в Вольной русской типографии А.И. Герцена, нарушила «рабье молчание» в России, встала «горой за освобождение крестьян» от крепостнической неволи. В то же время он и прекрасно играл на фортепиано, сочинял небольшие миниатюры для этого инструмента. Им были написаны романсы на стихи русских поэтов и собственные поэтические тексты. Отметим, что ему особенно была близка и постоянно привлекала внимание удивительная музыкальная природа лермонтовского стиха, поэтому тема «Н.П. Огарев – М.Ю. Лермонтов» интересна своей многозначностью и уникальностью. Первым этот дар замечательного русского поэта открыл В.Г. Белинский:

«Читая всякую строку, вышедшую из-под пера Лермонтова, будто слушаешь музыкальные аккорды и в то же время следишь взорами за по-

трясенными струнами, с которых сорваны они рукой невидимой» [5, с. 452].

Огарев развивает эту мысль в одной из своих статей: «...они так изящно выражены, что их можно не только читать, их можно петь, да еще на совсем своеобразный лад; из них каждое, смотря по объему, – или песня, или симфония» [6, с. 119], а в романсах на стихи Лермонтова практически связывает песенную простоту, напевность и своеобразные ритмы с музыкальным рисунком.

Мелодическое богатство поэзии Лермонтова, красочность ее звучания, исключительная певучесть пленительны для каждого композитора. Поэтому лермонтовские стихи вдохновляли не только Огарева. Многие композиторы XIX века черпали из его поэзии прекрасные образцы. Среди них А.С. Аренский, М.А. Балакирев, А.Е. Варламов, А.С. Даргомыжский, Н.К. Метнер, А.Г. Рубинштейн. Наряду с их сочинениями вокальные композиции Огарева явились отражением поэтических замыслов Лермонтова, хотя степень их завершенности весьма различна.

Четыре из них: «Тучки», «Есть речи – значенье...», «Песнь золотой рыбки» и «Молитва» имеют вполне законченную форму. Партитура для голоса, двух скрипок и двух духовых инструментов «Русалка плыла по реке голубой» осталась незаконченной, хотя в разных архивах хранятся части этого произведения с многочисленными вариантами. Нам удалось собрать их воедино: это вся вокальная мелодия, партия фортепиано и второй скрипки. Обнаружены еще черновые наброски карандашом: «Выхожу один я на дорогу» и «На светские цепи».

Тематика романсов разнообразна, но все они относятся к области лирики, только с различными оттенками: «Тучки» – меланхолический, «Песнь золотой рыбки» – элегический, «Есть речи – значенье...» – драматический. Эти эмоциональные различия романсов Огарева на стихи Лермонтова открывают новую, богатую и содержательную грань его композиторского искусства.

Во вступительной статье к изданию трех романсов Е. Канн пишет:

«Среди вокальных сочинений Огарева лермонтовские романсы представляются нам художественно наиболее значительными. В них органичнее, чем где бы то ни было, Огареву действительно «спелись» стихи. Ему удалось здесь в какой-то степени приблизиться (в меру своего дарования и незрелой композиторской техники) к единству слова и его музыкального выражения» [7, с. 5].

Канн оценивает романсы Огарева на стихи Лермонтова выше по художественным достоинствам только на уровне творчества самого автора. Мы же считаем, что лермонтовские романсы поэта-музыканта – это «достойный вклад в сокровищницу русского классического романса» [8, с. 393; 9, с. 120 – 124].

«Песнь золотой рыбки» из поэмы «Мцыри» написана в жанре баркароты, столь излюбленном русскими композиторами. Сюжет тоже не нов – элегический рассказ о привольном житье под водой. Мерно, с оттенком мягкой мечтательности течет повествование у Лермонтова. Огарев же в своей интерпретации приближается к форме баллады с противопоставлением разных настроений в куплетах.

Подобную тенденцию к внутренней контрастности в элегиях и баркаротах наблюдаем у Глинки. В романсе «Уснули голубые» (1840, сл. Н.В. Кукольника) [10, с. 240] эмоциональный сдвиг достигается, прежде всего, в мелодии: дремотное покачивание ее в первой части переходит в взволнованную устремленность в середине.

Таким же путем идет и Огарев. «Песнь золотой рыбки» (приблизительно 1850) выполнена в двухчастной репризной форме (а, в, с, в), с обогащенной фактурной тканью. Смена гармоний создает образные картины – то мерное покачивание на волнах, то их раскат, то всплески. И здесь композитор проявляет большую изобретательность, выполняя сопровождение в разной ритмической манере. На этом же фоне расцветают мягкие очертания мелодии с применением распевов на широких интервалах (секста, квинта, октава).

Баюкающие ритмы, пластичность мелоса, диатоника первого куплета, создающие настроение светлой мечтательности, меняются во втором куплете на иные средства: скачки, акценты, синкопы, хроматизмы, диссонансы – все для выражения страстного порыва.

К стихотворению «Песня золотой рыбки» обращались многие композиторы. Среди них и Огарев, раскрывающий образный строй романса, идейные и жанровые черты через звенья мелодии, характер фактуры и другие приемы. По художественной значимости, обаянию мелоса, решению звуковых проблем огаревская «Песнь золотой рыбки» удачно пополняет список ставших известными одноименных романсов А.С. Аренского, М.А. Балакирева, А.Д. Даргомыжского, Г.Л. Катуара.

Романс «Тучки» по манере написания приближается к «Песне золотой рыбки». Лишь заметим, что и здесь Огарев отступает от текстовой куплетности, придавая романсу четкие очертания трехчастности с контрастной серединой, используя густую ткань подголосков в яркой и сочной фортепианной партии. Этот романс был особенно близок композитору, в нем он видел олицетворение своей судьбы изгнанника родины.

Самое замечательное заключается в том, что «Песнь золотой рыбки» и «Тучки» Огарева являются своего рода творческим сплавом не только уже сложившихся традиций в данном жанре, но и собственных находок. Все музыкальные средства у него подчинены главной задаче – выражению искренних чувств человека.

Вершиной вокального творчества Огарева является романс «Есть речи – значенье...». Многие поэты воспевали музыку как высшее из искусств, которое предоставляет большие возможности для выражения чувств человека, и используют сравнения с музыкой, чтобы возвысить поэзию («Музыка» П.Ф. Якубовича, «Звуки» С.П. Шевырева, «Листу» П.А. Вяземского, «Звуки» В.И. Красова, «Звуки музыки» А.В. Кольцова и др.).

В лице Лермонтова Огарев увидел единомышленника. Звуки, которые ничего не сказали бы менее чуткому уху, наполнялись для обоих богатым содержанием. Огарев, как и Лермонтов, посвятил звуковым образам большое количество стихотворений. Одно из них – «Звуки» – легло в основу вокальных сочинений А.Л. Гурилева, А.Е. Варламова, А.С. Аренского, А.А. Шахматова и приобрело широкую известность как романс под названием «Внутренняя музыка» или «Как дорожу я прекрасным мгновеньем».

В романсе «Есть речи – значенье...» Огаревым-композитором в звуковых образах прекрасно выражены различные чувства и состояния. Лермонтовское стихотворение построено на антитезах «ледяные и святые», «бой–храм», «битва–молитва». Этот же принцип развития ложится в музыкальную композицию романса. Мотивы гибко следуют за каждой мыслью поэта.

Из первой интонации эмоциональной речи возникает и музыкальная тема с характерной русской «секстовостью». Далее автор стремится к широкому ее развитию, используя характерные и структурные сопоставления в мелодии: длинные, распевные линии на широком дыхании (2+2+4) чередуются с порывистыми, лапидарными и сухими интонациями (1 + 1 + 1 + 1 + 1 + 1 + 2). Рвущаяся вперед мелодия с короткими взлетами и

дроблением в структуре приобретает декламационную выразительность. Готовится драматическая развязка. Наступает она в третьем предложении:

Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово...

Равнодушная толпа холодна к волнующим речам. Пусть они непостижимы разумом, пусть «темны и ничтожны» для рассудка, сердце человека ощущает неодолимое влечение к ним. В этих словах Огарев нашел разрешение собственной проблемы – выражение эмоций в звуковой форме. Ему нужны были новые средства выражения и в музыке.

Прежде всего, обновляется интервалика в мелодии. Выделяя главную мысль, Огарев подчеркивает ее неожиданным окружением восходящих и нисходящих скачков, применением диссонирующих интервалов. Эти неожиданные выкрики (ум.7) как нельзя лучше выявляют интонационно-мелодическую идею автора, являясь необычным для того времени приемом в мелодике. В партии фортепиано также происходит эмоциональное сгущение за счет введения уменьшенного септаккорда и тонального отклонения, происходящих на фоне выдержанного тонического органного пункта.

Достигнутая кульминация поддерживается фортепианным послесловием, повторяющим вступление. Покой и тишина, наступившие в конце проигрыша, знаменуют вступление репризы.

Нарушив куплетную форму стихотворения, Огарев достигает смысловой цельности всей музыкальной концепции романа. «...Все движение и раскрытие идеи покоится здесь на звучании, на дыхании, на слуховом ощущении...» [11, с. 184]. Эти слова, сказанные Б.В. Асафьевым о романсе П.И. Чайковского «Ни слова, о, друг мой» (сл. А.Н. Плещеева), мы позаимствовали для характеристики эмоционально-динамического содержания романа Огарева.

Действительно, в названных романах много общего: это и тема-образ, и движущая сила динамического развития, и форма, и «сильная эмоциональная концентрация на важнейших и руководящих мелодических линиях, и общая выразительность музыки, отвечающая настроению текста» [там же]. Безусловно, Огарев не обладал таким высоким мастерством, и было бы неуместно ставить его в один ряд с Чайковским, но есть то общее, что сближает эти два романа, а значит и двух композиторов – эмоциональное восприятие поэзии, ее музыкальности.

Таким образом, осмысление обращения Огарева к поэзии Лермонтова для написания романсов способствует уточнению и детализации общих закономерностей развития отечественной музыкальной мысли, а комплексный анализ материалов композиторского творчества Огарева в контексте российской культуры не только пополняет базу данных, отражающих жизнь и творчество Огарева, но и позволяет включить его имя в ряды музыкальных деятелей, а его творчество в контекст российской музыкальной культуры.

1. Воронина Н.И., Новикова Н.Л., Сиротина И.Л. Исповедальность музыки в диалоге российской интеллигенции: от XIX к XXI веку // Бюллетень науки и практики: электронный научный журнал – Bulletin of Science and Practice: scientific journal. Нижневартовск, Изд. центр «Наука и практика». 2016. Вып. 1. С. 57 – 60.
2. Н.П. Огарев к А.И. Герцену от 26 августа 1833 г. // Лит. наследство. М., Изд-во АН СССР, 1953. Т. 61. С. 718.
3. Из письма от 7 июня 1833 г. // Лит. наследство. М., Изд-во АН СССР, 1953. Т. 61. С. 714.
4. Из письма от 29 июля 1833 г. // Лит. наследство. М., Изд-во АН СССР, 1953. Т. 61. С. 716.
5. Белинский В.Г. Герой нашего времени // Полн. собр. соч.: в IX т. М., Изд-во АН СССР, 1954. Т. V. С. 452.
6. Огарев Н.П. С утра до ночи // Северные записки, март, 1913. С. 116 – 119.
7. Канн Е. Огарев и музыка // Н.П. Огарев. Три романа на слова Лермонтова. М.-Л., Музгиз, 1943. С. 3 – 5.
8. Воронина Н.И. Огарев Николай Платонович // Музыкальный энциклопедический словарь. М., Сов. энциклопедия, 1990. С. 393.
9. Воронина Н.И. Н.П. Огарев: неисчерпаемость личности. Саранск, Тип. «Красн. Окт.», 2013. 168 с.
10. Глинка М. Сочинения для голоса. М., Музгиз, 1962. С.240.
11. Асафьев Б.В. О романсах Чайковского // Избр. труды: в 5 т. М., Изд-во АН СССР, 1954. Т.2. С.174–190.
12. Новикова Н.Л. Н.П. Огарев: время и музыка. Саранск, Тип. «Красн. Окт.», 2015. 16 с.

N.P. OGAREV – M.YU. LERMONTOV: MUSICAL-POETIC DIALOGUE

© 2019 N.I. Voronina, N.L. Novikova, I.L. Sirotnina

Natalya I. Voronina, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the M.M. Bakhtin Center. E-mail: kafkmg@mail.ru
Nadezhda L. Novikova, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of the Historical and Sociological Institute. E-mail: nadlnov@mail.ru

Irina L.Sirotina, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Design and Advertising of the Institute of National Culture. E-mail: sirotinail@mail.ru

N.P. Ogarev National Research Mordovia State University. Saransk, Republic of Mordovia, Russia

Subject of the article: N.P. Ogarev – M.Yu. Lermontov: musical-poetic dialogue. *The object of the article:* the intellectual life of Russia of the XIXth century through the prism of musical interests of the advanced people of that time. *Purpose of the project:* to update for the scientific and educational world the information of N.P. Ogarev's composer's experiments (a famous thinker, poet and publicist), focusing on the breadth and depth of his interests: how the life of the soul was highlighted through the sphere of music; how the immersion in art, enjoyment of music, freedom of artistic and aesthetic expressions, as well as composing creativity contributed to a special type of thinking and philosophizing. *Methodology of work:* the inclusion of Ogarev's composing experiments (seven romances on Lermontov's poems) in the general picture of the formation of musical consciousness in the middle of the 19th century in Russia made it possible to see in this phenomenon music as wealth, beneficence, as a free stream, as one of the important hypostases in the spiritual life of a person. This context of studying the musical interests of Ogarev is possible with comparative-historical and culturological approaches, as well as art analysis methods. *Results of the work:* the consideration of Ogarev's musical compositions based on Lermontov's poems makes it possible to construct a concept for the context of a unique phenomenon in Russian culture – amateurism in music. *Scope of the results:* Ogarev's composing experiments as an amateur in music become the basis for the formation of a new scientific paradigm, stimulate research interest, and open up the possibilities of a comparative methodology in the study of the life and work of an individual. The comprehension of Ogarev's appeal to Lermontov's poetry for writing romances makes it possible to clarify/detail the general laws of the development of Russian musical thought for art historians and culturologists. *Conclusion:* the scientific novelty of the study lies in a comprehensive analysis of the materials of Ogarev's composing creativity in the context of Russian culture. This allows improving the database reflecting Ogarev's life and work, including these materials in the scientific circulation as unique, changing the perception of the state of history and man of the middle of the XIXth century and folding Ogarev's work into the Russian musical culture, including his name in the ranks of musical figures. Thus, the conclusions presented in the article are reasoned and logical.

Keywords: N.P. Ogarev, M.Yu. Lermontov, personality, music, dialogue, time, composer-amateur, composing creativity, romance.

1. Voronina N.I., Novikova N.L., Sirotina I.L. Ispovedal'nost' muzyki v dialoge rossijskoj intelligencii: ot XIX k XXI veku (Confessional of music in the dialogue of the Russian intelligentsia: from XIX to XXI century). *Byulleten nauki i praktiki: e'lektronnyj nauchnyj zhurnal – Bulletin of Science and Practice: scientific journal*. Nizhnevartovsk, Izd. centr «Nauka i praktika». 2016. Vy'p. 1. S. 57 – 60.
2. N.P. Ogarev k A.I. Gercenu ot 26 avgusta 1833 g. (N.P. Ogarev to A.I. Herzen of August 26, 1833). *Lit. nasledstvo*. M., USSR Academy of Sciences, 1953. T. 61. S. 718.
3. Iz pis'ma ot 7 iyunya 1833 g. (From a letter dated June 7, 1833). *Lit. nasledstvo*. M., Izd-vo AN SSSR, 1953. T. 61. S. 714.
4. Iz pis'ma ot 29 iyulya 1833 g. (From a letter of July 29, 1833). *Lit. nasledstvo*. M., Izd-vo AN SSSR, 1953. T. 61. S. 716.
5. Belinskij V.G. Geroj nashogo vremeni (Hero of our time). *Poln.sobr.soch.: v IX t.* M., Izd-vo AN SSSR, 1954. T. V. C. 452.
6. Ogarev N.P. S utra do nochi (From morning till night). *Severny'e zapiski*, mart, 1913. S. 116 – 119.
7. Kann E. Ogarev i muzyka (Ogarev and music). *N.P. Ogarev. Tri romansa na slova Lermontova*. M.-L.: Muzgiz, 1943. S. 3 – 5.
8. Voronina N.I. Ogarev Nikolaj Platonovich (Ogarev Nikolai Platonovich). *Muzykal'nyj e'nciklopedicheskij slovar'*. M., Sov. encyclopedia, 1990. S. 393.
9. Voronina N.I. N.P. Ogarev: neischerpaemost' lichnosti (N.P. Ogarev: the inexhaustibility of the individual). Saransk, Tip. «Krasn. Okt.», 2013. 168 s.
10. Glinka M. Sochineniya dlya golosa (Compositions for voice). M., Muzgiz, 1962. – S.240.
11. Asaf'ev B.V. O romansax Chajkovskogo (On Tchaikovsky's romances). *Izbr. trudy': v 5 t.* M.: Izd-vo AN SSSR, 1954. T.2. S.174–190.
12. Novikova N.L. N.P. Ogarev: vremya i muzyka (N.P. Ogarev: time and music). Saransk, Tip. «Krasn. Okt.», 2015. 16 s.